

- 2 -

**PER TUTTO
L'AMORE**

IRENE CAO

Rizzoli

ЗА ВСЮ ЛЮБОВЬ

ИРЭНЕ КАО

Москва
2015

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
К12

Irene Cao
PER TUTTO L'AMORE

© 2014 RCS Libri S.p.A., Milano

Перевод на русский язык *А. Малышевой*
Художественное оформление *П. Петрова*

Као, Ирэне.

К12 За всю любовь / Ирэне Као ; [пер. с итал. А. Малышевой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 288 с. — (Итальянская диалогия Ирэне Као. За все грехи).

ISBN 978-5-699-81348-3

Вторая, и заключительная, часть великолепной итальянской диалогии «ЗА ВСЕ ГРЕХИ» от Ирэне Као.

Ради Томмазо Линда оставляет прежнюю жизнь и переезжает в Лиссабон. Сначала все напоминает красивую сказку, но постепенно Томмазо открывается ей с совершенно новой, неожиданной стороны — и она уже не уверена, правильный ли выбор сделала...

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

© Малышева А.А., перевод на русский язык, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-81348-3

*Посвящается Челестине,
моей матери*

Бескрайняя водная гладь переливается на солнце, рисуя бриллианты и звезды, которые тут же растворяются в бесчисленных золотых чешуйках. Кажется, будто смотришь на море, но это – огромное устье реки Тахо, или, как ее здесь называют, рио Тежу.

Солнце едва показалось из-за горизонта, а она уже бежит. Ежеутренние пробежки по Лиссабону с первыми лучами солнца вошли у нее в привычку. На ней – белая толстовка, черные леггинсы и розовые кроссовки с синими полосками. Линда ни о чем не думает – она сосредоточена на правильном дыхании. Светлые волосы заправлены сзади в отверстие кепки и едва доходят до плеч, глаза спрятаны за черными очками от Гуччи. В этой маленькой валькирии, стремительно бегущей по мощеным улочкам Лиссабона, с трудом можно узнать ту девчонку, какой она была раньше.

В iPod треки Madredeus чередуются с Fly Project, истинная поэзия сливается с бешеным ритмом и энергией. В этом вся Линда, ее стихия – противоречие. Теперь она слушает проникновенный и томительный голос Терезы Салгейро, созвучный

этому мягкому утру, обволакивающему плотным атлантическим воздухом.

С приездом в Лиссабон Линда не отказалась от пробежек — своего наркотика. За девять месяцев она изучила каждый изгиб улочек, мощенных такой гладкой брусчаткой, что, едва ускорив бег, можно легко поскользнуться и упасть. Этот город нужно не брать штурмом, а покориться ему — теперь-то Линда это усвоила. Изгибы лиссабонских дорог несут, словно волны. Сейчас она бежит медленно и размеренно, повинуюсь неспешному ритму этого места, парящего между небом и морем. Шесть утра, и улицы почти безлюдны, за исключением парочки таких же бесстрашных любителей спорта, как и она: местные предпочитают бегать по парку, а туристы вовсе не бегают, а в этот час крепко спят. Но даже пустой и сонный Лиссабон завораживает: Линда поняла это, как только ступила на португальскую землю.

Теперь, оставив позади холм Алфамы и прибавив ход, она бежит через монументальную Прасаду-Комерсиу. Взгляд ее на секунду задерживается на величественных белых колоннах, возвышающихся над Тахо — невозможно поверить, что эти бескрайние водные просторы — не океан. Она пробегает через гигантскую триумфальную арку; дыхание спокойное и ровное. Уже осталась позади Руа-ду-Арсенал, и она в квартале Шиаду. Еще немного — и крутая улочка приведет напрямик к ее новому дому — *их* новому дому.

Это великолепная мансарда в недавно отреставрированном доме XVIII века. Томмазо выбрал для них самое лучшее жилье — благо, что расходы покрывает Министерство иностранных дел. Они долго искали эту квартиру — квартиру своей мечты — и когда наконец нашли, тут же влюбились в нее: даже без мебели и ремонта, она поразила их красотой.

Линда понемногу сбавляет темп и переходит на шаг. Последние пятьсот метров — как обычно, для отдыха. Вдох-выдох; она полной грудью вдыхает теплый, чистый воздух майского утра. Разводит руки в стороны, описывая в воздухе широкие круги.

Отсюда уже видны окна ее дома. Она останавливается перед Мирадору ду Санта Катарина, чтобы немного позаниматься гимнастикой. Вид отсюда захватывает дух — город, как на ладони, настоящая открытка. Тут и сверкающая Тахо, насыщенного синего цвета; чуть поодаль стоят, тесно прижавшиеся друг к другу, будто мозаичные плитки, игрушечные домики кварталов Лапа и Мадрагоа; за ними, ближе к океану, величественный Мост 25 апреля. Линда до сих пор помнит, когда увидела его в первый раз. «Я действительно в Лиссабоне, а не в Сан-Франциско?» — подумала она тогда, зажмурив глаза и вдыхая насыщенный аромат воздуха. Вне всякого сомнения, Лиссабон — волшебный город, маленькое чудо: за несколько месяцев Линда настолько привыкла к нему, что чувствует себя здесь, как дома. А ведь она никогда не жила

за границей, не считая коротких командировок или отпусков.

Она смотрит на хронометр на руке: каждый день один и тот же маршрут, и каждый день на одну секунду меньше. Она довольна собой. Но теперь пора возвращаться домой, потому что если Линда опоздает хоть на минуту — как уже бывало — он начнет переживать, почему ее до сих пор нет. Томмазо — педант, у него все четко: если уж она сказала, что придет во столько-то, он с нетерпением будет ждать ее. И Линде это нравится, она чувствует, что Томмазо ее любит, — разлука для него невыносима.

Надо признать, что новая жизнь превзошла все ее ожидания, и ей невероятно хорошо. А Лиссабон не перестает удивлять каждый день. Если бы ей не надо было постоянно вариться в кругу Томмазо со скучнейшими дипломатами и их не менее скучными женами, которые хвостом следуют за своими мужьями, Линда согласна была бы прожить здесь всю жизнь.

Выпив утренний кофе, Томмазо на полчаса пропадает в душе — это максимум времени, которое он может уделить себе. Ухаживая за своим телом, каждое утро он посвящает процедурам, чтобы достичь идеального образа. Это ему жизненно необходимо, чтобы потом погрузиться в изматывающие каждодневные обязанности.

Томмазо открывает кран в умывальнике, настраивает воду на среднее давление и смачивает щеки и подбородок. Затем обмакивает помазок

с барсучьим ворсом в миску с кремом для бритья на основе мангового масла. Зачерпывает сколько нужно и осторожно наносит на кожу, уделяя особое внимание чувствительным зонам. Этот ритуал он повторяет каждый день, ни на йоту не изменяя себе, с тех пор, как на его лице появились первые подростковые волоски. И научила Томмазо бриться его мать Эрминия, а не вечно занятой отец, которого постоянно не было дома. Иногда по утрам, глядя в зеркало и поворачиваясь то влево, то вправо, он ловит себя на мысли, что думает о матери, и его лицо смягчается от нежности.

Волосы у Томмазо светло-каштановые, почти русые, коротко подстрижены; серо-синие глаза блестят, выделяясь на фоне белоснежной пены, как два драгоценных камня. Настоящий викинг с благородными чертами и нордической внешностью. Свободной рукой он держит бритву, в которой накануне вечером заменил лезвие. Начинает бриться от левого виска — как обычно — проводя идеальную линию сверху вниз.

Тем временем Линда выходит из другой ванной, закутанная в полотенце, тело у нее еще влажное. После тренировки душ доставляет ей непередаваемое удовольствие, наполняя тело ощущением полного блаженства. Она входит в спальню, слегка обтирается мягким полотенцем, потом сбрасывает его на пол. Открывает дверцу шкафа и ищет что-нибудь, чтобы накинуть на себя, и в этот момент звонит iPhone Томмазо, лежащий на комодe.

7.30 утра.

Линда бросает на дисплей рассеянный взгляд: имя знакомое, кажется, это какая-то большая шишка из министерства. Как есть, голышом, она хватается телефон и бежит в ванную, смежную со спальней.

— Томми! — кричит она, настойчиво стуча в закрытую дверь.

— Что такое, любимая?

Любимая.

Она все еще не привыкла к такому обращению. И всякий раз, слыша это слово, слегка вздрагивает. Линда невольно вспоминает, как Томмазо впервые сказал: «Я люблю тебя» — в ту волшебную ночь, когда они прилетели в Лиссабон, понимая, что их жизнь теперь изменится. Как только они вышли из самолета, Томмазо остановил ее, взял за руки и признался в любви, и это было так естественно.

— Я люблю тебя, Линда. Поэтому я хочу, чтобы ты была со мной. Ты ведь знаешь это, правда?

У Линды перехватило дыхание, она молча стояла и смотрела на Томмазо, а по щеке катилась одинокая слезинка. Ее молчание и было ее ответом, их будущим, которое им предстояло написать вместе.

Тем временем Линда продолжает стучать в дверь ванной. Томмазо это немного раздражает, но он тут же берет себя в руки. Ничто не должно нарушить его священный ритуал, который необходим ему, чтобы собрать энергию и сконцентрироваться для успешного рабочего дня.

— Телефон! — настойчиво кричит Линда.

– Скажи, кто, пожалуйста?

– Гильельмо Пизанó!

Томмазо резко закрывает кран и поспешно распахивает дверь, во взгляде — досада и раздражение. Линда понимает, что будь он один, точно не сдержался бы и пнул ногой стену: разговоры с Пизанó — не самое приятное занятие для начала дня.

Линда глубоко вздыхает — ей не хочется портить ему настроение — и, вытянув руку, вызывающе подносит к его глазам дисплей телефона. Она совершенно голая. Томмазо промакивает щеку полотенцем, оставляя вторую наполовину намазанной пеной, и удивленно смотрит на нее. Линда изучает его лицо и оглядывает ванную комнату. Идеальный порядок. Томмазо — само воплощение перфекционизма. Даже если Линда очень постарается, все равно не сможет достичь такого совершенства. Это одна из его черт, которая ей безумно нравится. Ну и, конечно, она обожает его ягодицы, будто выточенные из мрамора, и глаза, которые говорят: «Ты моя единственная женщина на свете. И я только твой». Сейчас ей ужасно хочется запрыгнуть на него и заниматься любовью до изнеможения.

– Не отвечай, пожалуйста, — страстно шепчет Линда, явно намекая на свое желание.

Мигающий и вибрирующий телефон все еще у нее в руке, но взглядом Линда умоляет Томмазо не отвечать на звонок. Она провоцирует его и наслаждается этим, выставляя свою красивую грудь, гладко выбритый лобок, упругие ягодицы.

Томмазо мгновение колеблется, потом решительно берет у нее телефон, и его голос приобретает мягкие нотки.

– Алло?

Линда разочарованно искривляет губы. Томмазо мягко кивает ей, прося выйти, и крутит указательным пальцем в воздухе, что означает «поговорим об этом позже». Он бесшумно закрывает дверь в ванную и смиренно говорит с Пизанó, представляя, как будет гореть ухо после разговора, который может продлиться и полчаса.

«Блин!» – ругается про себя Линда, фыркает и возвращается в спальню.

Она еще не привыкла мириться с повышенным чувством долга Томмазо.

Линда натягивает черные трусики и майку, ложится на кровать и так лежит какое-то время, переводя взгляд с потолка на стену, на которой висит картина с изображением семи смертных грехов. Она прекрасно помнит тот день, когда Томмазо подарил ей эту картину, будто это было вчера – на рынке в Азоло, после того, как она битый час торговалась с продавцом. Можно сказать, что именно в тот день и начался их роман. И именно поэтому картина была одной из немногих вещей, которые Линда привезла с собой из Венето в Лиссабон, из старой жизни в новую.

Кто бы мог подумать, что Линда Оттавиани станет спутницей важного дипломата? А главное, что она, такая независимая и самостоятельная, бунтар-

ка, для которой личная свобода — превыше всего, будет всецело зависеть от своего мужчины! Пока у нее нет работы, и Томмазо полностью ее обеспечивает. Разумеется, у Линды есть и свои сбережения, главным образом, благодаря последней работе в Италии на вилле Белли. Но если она не найдет здесь работу, то скоро деньги закончатся.

А вот Томмазо, судя по всему, хочет, чтобы Линда навсегда выкинула из головы мысль о работе: он покупает ей все, что она попросит, даже больше, чем ей на самом деле нужно. Он обожает делать Линде

Кто бы мог подумать, что Линда, такая независимая и самостоятельная, бунтарка, для которой личная свобода — превыше всего, будет всецело зависеть от мужчины!

сюрпризы и подарки по любому поводу и постоянно повторяет, что она не должна ни о чем волноваться, пока он рядом. Да, но сколько времени это продлится? Иногда эта мысль не дает ей покоя. Но сейчас она не хочет об этом думать. По крайней мере, не с утра, и уж точно не до завтрака.

Исабель Коррейя — их помощница по хозяйству — на работе с раннего утра. Ей недавно исполнилось сорок. Она прирожденная хозяйка: синяя юбка до колена, белая блузка с короткими рукавами и жилетка в тон юбке, туфли-лодочки серо-коричневого цвета. Без ее помощи Линда не справилась бы.

Густые черные волосы Исабель собраны в высокую прическу. С половины шестого утра она хлопочет на кухне, стараясь приготовить изыскан-